

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. И. ТЮЛЬПАНОВА

УДК 929

В. С. Торкановский

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧИТЕЛЕ И ДРУГЕ (1920-е годы — 1945)

Семьдесят лет тому назад началась блокада нашего города, в обороне которого большую роль сыграли сотни тысяч ленинградцев, офицеров, солдат, и среди них Сергей Иванович Тюльпанов, которому сейчас мы отмечаем 110 лет со дня рождения. Между Сергеем Ивановичем и мной разница в двадцать лет. Но это не мешало нам на протяжении многих десятилетий сохранять дружбу, искренние товарищеские отношения. Наша дружба началась в раннем детстве в доме моих родителей. В годы Гражданской войны Сергей Тюльпанов, тогда еще совсем молодой человек двадцати с небольшим лет, познакомился с моим отцом, который был главным врачом в одном из госпиталей г. Воронежа. В начале двадцатых годов он приехал в Ленинград вслед за моими родителями и поселился в нашем доме, где прожил около десяти лет. Тюльпанов оказался в кругу людей, которые знали Германию, следили за революционными событиями в этой стране, изучали немецкий язык. Живя в квартире на улице Каляева, он поступил на учебу вначале в Педагогический институт им. А. И. Герцена, затем в Военно-политическую академию им. Толмачева. В то же время начиналась его преподавательская, а также семейная жизнь. Его женой стала Таисия Феофиловна Павлович. Юная девушка, член партии, страстный партийный агитатор — тогда это было очень модно. Учеба Сергея Ивановича в Военно-политической академии проходила очень успешно; хотя он был моложе преподавателей Академии, многие из которых были комиссарами в недавно закончившейся Гражданской войне, они относились к нему с глубоким уважением и доверяли ему преподавательскую деятельность.

Виктор Семенович ТОРКАНОВСКИЙ — участник Великой Отечественной войны, д-р экон. наук (1968 г.), профессор СПбГУЭФ. Работал по совместительству в ЛГУ и Европейском университете. В разное время читал лекции в Университете им. Гумбольдта (Берлин), в Институте народного хозяйства им. К. Маркса (София), в Дрезднер Банке (Франкфурт-на-Майне). В 1994 г. был избран академиком Академии гуманитарных наук. Под руководством В. С. Торкановского защищено 5 докторских и более 20 кандидатских диссертаций, в том числе аспирантами из стран СНГ, Польши, Германии и Кубы.

© В. С. Торкановский, 2012

Сергей Иванович все время что-то писал. Вместе с комдивом в 1934 г. он написал книгу «Десять лет без Ленина по ленинскому пути». Она была опубликована и роздана всем делегатам XVII партийного съезда в 1934 г. Это, конечно, было крупное достижение — и научное, и политическое.

Сергей Иванович жил в трудных условиях, у нас на ул. Каляева у него уже появились двое детей — Рой и Доти, и он добивался отдельной квартиры. И в конечном итоге ему была предоставлена отдельная квартира на Тверской ул. около Смольного. Я упоминаю об этом потому, что с этим домом связаны самые мрачные страницы в истории Ленинграда той поры. Дело в том, что там жили сотрудники Военно-политической академии, большая часть которых была уничтожена. В 1936 г., через пару лет после убийства Кирова, началась расправа Сталина над участниками Гражданской войны, работавшими в Военно-политической академии. Академия была переброшена в Москву, а большая часть ее работников была расстреляна, сюда относится и всё ее командование. Сергей Иванович был исключен из партии, но история шла вперед, политическая обстановка в стране менялась: он был полностью реабилитирован и восстановлен в партии, более того, назначен заведующим кафедрой политической экономии Лесотехнической академии. Все же около года ему пришлось трудиться рабочим на заводе, чтобы смыть так называемую вину перед партией.

Приближение войны чувствовалось задолго до ее начала, это ощущали и мы, студенты политэкономического факультета Ленинградского университета. Я был в числе первых студентов, которые были приняты на этот факультет. И решил я поступать на него под влиянием не только С. И. Тюльпанова, но и Александра Алексеевича Вознесенского, его близкого друга, которого я встречал у Тюльпанова дома. Вслед за ними я пошел на этот факультет.

Уже вечером 22 июня 1941 г., потрясенные известием о вторжении гитлеровской Германии в СССР, отец, мать и я приехали домой к Тюльпанову в Лесотехническую академию. Тая нас принимала, мы ужинали, сидели в большой гостиной у него в центре квартиры, на стене слева висела огромная карта Западной Европы и частично Восточной Европы. Сергей Иванович отмечал на этой карте, как немцы постепенно захватывают города Западной Европы и целые страны — Голландию, Бельгию, Францию. С этого дня он стал внимательно следить за ситуацией на советско-германском фронте. Я никогда не забуду, как в первый же вечер по радио передали, что немцы совершили нападение на СССР и двинутся дальше вглубь нашей страны. Настроение было ужасное, потому что все понимали, с каким зверем столкнулся СССР. Отметили на карте наши первые потери и часов около 12 ночи, мрачные, мы стали расходиться по домам. И Сергей Иванович, встав из-за стола в конце встречи, сказал: «Дорогие друзья, это только начало, впереди, конечно, большая, тяжелая кровопролитная война, но вы не сомневайтесь — мы победим. Они начали войну, мы эту войну закончим». И вскоре все сидящие за столом оказались в военной форме. Тюльпанов стал генералом, мой отец — старшим офицером, врачом, мать моя тоже пошла в армию военным врачом, ну и я стал солдатом, а позже сержантом наших вооруженных сил. Началась мировая война.

Впервые с Сергеем Ивановичем после того, как Ленинград оказался в блокаде, я встретился в конце ноября 1941 г. при следующих драматических обстоятельствах. Нас отвели в Ленинград, и мы — те, кто уцелел, — стали нести патрульную службу, в основном по ночам, когда город подвергался обстрелам. Мама получила от меня информацию о том, что положение очень серьезное. И когда Сергей Иванович

пришел в очередной раз к нам домой, она и Тая ему все это рассказали. Он ответил, что окажет помощь. Вскоре я был временно откомандирован как инструктор переводчика с немецкого языка из батальона в политуправление Штаба округа в седьмой отдел для работы против войск противника. Жданов издал приказ, по которому запретил всем руководителям воинских частей и подразделений ночью в блокаду одним ходить по городу без сопровождения. Были случаи диверсионных нападений и т. п. И такой человек, как Тюльпанов, должен был ходить обязательно в чьем-то сопровождении.

Сергей Иванович работал очень много, практически вся пропагандистская литература была подготовлена им. Особенно мне запомнилась большая листовка, где была изображена старая немка-мать, которая смотрит на фото с изображением ее погибшего сына, тут же вести с фронта и многое другое.

По радио объявляют, что в Центральном лектории будет собрание, посвященное предстоящему прорыву блокады Ленинграда, приглашаются все желающие. Сергей Иванович говорит мне: «Пойдешь со мной туда, потом зайдем к маме и к Тае». И мы с ним отправляемся на Литейный, 42, а там уже собрался народ, я не знаю сколько, но думаю, что там сотни не было — ленинградцы, бледные, замерзшие, голодные, кашляющие, с тоскливыми умирающими глазами; ужас, вот что было написано на лицах этих людей. Если б сейчас вы заглянули в них! Сергей Иванович поднялся на сцену, несмотря на холод, сбросил шинель, остался в одном мундире, снял шапку и начал рассказывать о положении дел под Ленинградом: «Товарищи ленинградцы, армия Кулика наступает на город, она скоро прорвет оборону, вы будете свободны, продержитесь!» Эта лекция уверенного в себе, твердого, мужественного человека произвела колоссальное впечатление, она была свидетельством того, что может сделать один человек, чтобы поднять дух и укрепить волю многих десятков других. Когда он закончил говорить, обратился ко мне и сказал: «Солдат, дай мешок». Я подал ему мешок, который был у меня, он взял его, потрянул над столом и из него посыпались немецкие ордена и нашивки. И он сказал: «Товарищи ленинградцы, вот то, что мы взяли с побитых немцев, на самом деле у нас еще много этого барахла, берите, кто хочет, берите, берите, ленинградцы». Потянулись руки, и в момент все исчезло, и у людей надежда стала гораздо более крепкой, более твердой. Мы пошли на ул. Каляева: он, как всегда, впереди, я сзади. Дело в том, что сопровождать его обязательно должен был человек с винтовкой, которая весила четыре с чем-то килограмма, а в моем состоянии ее очень тяжело было нести. По дороге от Штаба округа до гостиницы «Европейской», поскольку это был Невский проспект и было много патрулей, я шел за Сергеем Ивановичем с этой винтовкой, но когда мы загибали за угол гостиницы и доходили до садика, там никаких патрулей уже не было. Сергей Иванович останавливался, протягивал руку, я ему давал винтовку, а дальше уже он нес ее, и мы шли до нашего дома — так он облегчал мне бремя груза.

Сергей Иванович все время говорил о том, что когда кончится война и мы победим, он станет ректором Кёнигсбергского университета. Тогда я как-то пропускал это мимо ушей, но теперь-то понимаю, что он уже тогда готовил себя для работы в Германии в послевоенный период, в частности он изучал немецкий язык. Но своих детей он бы не послал получать высшее образование за рубеж. Получить высшее образование его дети могли только в России, на русской земле, другого образования, как и много-другого, он просто не признавал. Он всегда был настоящим патриотом, не только

Советского Союза, но и России в самом глубоком, широком ее понимании как русской цивилизации, которой он был бесконечно предан.

На этом я и заканчиваю повествование о моем герое, что сделать очень трудно, поскольку это означает навсегда с ним проститься, больше у меня с ним встреч уже не будет. Сергей Иванович помогал мне в самые тяжелые периоды жизни, и на его помощь я рассчитывал и в дальнейшем. Он значил для меня очень много, и нередко мысленно я возвращаюсь к нему и теперь.

Пусть Россия в дальнейшем живет счастливо, и пусть будет у нее побольше таких сыновей, как Сергей Иванович Тюльпанов.

Статья поступила в редакцию 5 марта 2012 г.